

3. **Кузовкина Т.** «Лишь Сенковского толкнёшь иль в Булгарина наступишь, или Кто был автором рецензии на второе издание „Вечеров на хуторе близ Диканьки“»: [Электронный ресурс] / Т. Кузовкина. – Заголовок с экрана. – Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/13/kuzovkina13.shtml>.
4. **Соловьев Е. А.** Биографический очерк Сенковского (Санкт-Петербургская библиотека, 1891): [Электронный ресурс] / Е. А. Соловьев. – Заголовок с экрана. – Режим доступа: <http://www.rulex.ru/01180894.htm>.
5. **Чернышевский Н. Г.** Очерки Гоголевского периода (Санкт-Петербургская библиотека, 1892): [Электронный ресурс] / Н. Г. Чернышевский. – Заголовок с экрана. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/krit/krit18_1.htm.
6. Николай Гоголь: [Электронный ресурс]. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Nikolai_Gogol.
7. Осип Сенковский: [Электронный ресурс]. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Osip_Senkovski.

Надійшла до редколегії 21.05.2009.

УДК 821.161.1-3

Н. М. Захарчук
Белгород-Днестровский

СИМУЛЯКРЫ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «GENERATION П»

Розглядається вплив симулякрів на об'єктивну дійсність в контексті роману В. Пелевіна «Generation П».

Ключові слова: симулякр, постмодернізм, соліпсизм.

Рассматривается влияние симулякров на объективную действительность в контексте романа В. Пелевина «Generation П».

Ключевые слова: симулякр, постмодернизм, солипсизм.

The influence of simulacra on the objective reality in the context of V. Pelevin's novel "Generation P" is analyzed.

Key words: simulacra, postmodernism, solipsism.

Литература постмодернизма гораздо сложнее, чем ее можно представить себе на первый взгляд. Это своеобразная антисистема, в которой идеи, высказываемые автором и героями, амбивалентны, то есть путь к сознанию лежит через пустоту, отрицание, которое читатель заполняет удобными ему образами и смыслами. Достающаяся читателю свобода является его же ограничением и вечным вопросом – прав ли я? Или же кто прав? И должен ли быть кто-то прав, или же все только красивая картина, нарисованная автором. Одной из наиболее интересных проблем постмодернизма в литературе является построение – использование симулякров в произведениях писателей-постмодернистов.

В постмодернистской эстетике симулякр занимает место, принадлежащее в классических эстетических системах художественному образу. Однако если образ (копия) обладает сходством с оригиналом, то симулякр уже весьма далек от своего первоисточника. Впервые разработал теорию симулякров Жиль Делез, который рассматривает симулякр как «знак, который отрицает как оригинал, так и копию» [3]. Жан Бодрийяр определяет симулякр как «псевдовещь, замещающую «агонизирующую реальность» постреальностью посредством симуляции, выдающей отсутствие за присутствие, стирающей

различия между реальным и изображаемым. Можно заключить, что симулякр – образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишенное подлинника, объект, за которым не стоит какая-либо реальность» [3]. И именно этот аспект очень ярко прослеживается в творчестве такого писателя постмодерниста как Виктор Пелевин, особенно в его романе «Generation П» (1998). Именно там концепция симулякра вышла на первый план, благодаря замещению реальности псевдореальностью и стиранием каких-либо граней между ними.

Псевдореальность, представленная в данном произведении не только телевизионным миром и информационной базой, но и видениями главного героя под воздействием галлюциногенов, позволяет сомневаться не столько в истинности другой реальности, сколько в самом ее существовании. Данная идея лейтмотивом проходит через весь роман Пелевина, заставляя сомневаться во всем: «сама по себе стена на которой нарисована панорама несуществующего мира, не меняется ... но само окно, для которого покупается вид, тоже нарисовано. Тогда может и стена нарисована? Но кем и на чем?» [2, с. 80]. Возможно, что концепция мира, возникающего при принятии главным героем романа – Татарским (пиар-техником), галлюциногенных грибов (мухоморов), ничем не отличается от концепции мира, не зависящего ни от Татарского, ни от мухоморов, что это одно и то же. Одна и та же несуществующая реальность, а если она не существует, то нет никакой разницы есть там мухоморы либо нет. И проблема наделения той или иной реальности плотью бытия достается именно читателю, но сам выбор – не что иное как указание на присутствие симулякров в произведении. Начиная от прообраза отдельного человека «объектов 1 и 2» и заканчивая симулякром реального мира. Хотя в данном романе само понятие реальности смазывается и приходит в негодность из-за слишком частых сомнений в том, то ли мы видим перед собой, что есть, или же то есть, что мы видим (хотим видеть) перед собой.

Необычайно интересно разработана эта идея в романе Пелевина. В ней прослеживается определенное отношение к теории солипсизма. Но и тут есть отступления, солипсизм, по данным новейших философских словарей, можно обозначить как – радикальную философскую позицию, характеризующуюся признанием собственного индивидуального сознания в качестве единственно-несомненной реальности и отрицанием объективной реальности окружающего мира. Иногда этот термин употребляется в этическом смысле как крайний эгоизм, т. е. теория по которой весь мир – порождение сознания индивида, осмысляющего себя как «я», в данном же произведении проявляется идея, что это «я» может быть абсолютно любым.

То есть если в общепринятом плане солипсизм – отрицание всего кроме себя, то тут мы имеем дело с противоположностью, таким себе анти-солипсизмом, идеей которого является отрицание себя. Множество подтверждений этой теории можно увидеть во внутренних монологах главного героя романа, особенно в случае его размышлений о Маньке (персонаже романа, который выступает не только как гипотетическая продавщица обувного магазина, но и как некий субъект вечности, при исчезновении которого

исчезает и сама вечность) – «...если эту баньку позабудет Манька, что же будет с родиной и с нами...» в данном контексте под банькой и подразумевается вечность, т. е бытие. И тут опять всплывает симулякр. На сей раз симулякр Вечности, насчет которой неизвестно, есть ли она сама по себе, или же она существует постольку, поскольку она существует в сознании Маньки. Но тогда следующий вопрос, а существует ли Манька? Или же все только игра воображения?

Отдельный аспект представляет собой рекламная концепция в производстве. Создание рекламы – не просто придумывание слоганов – это проецирование объектов псевдореальности телевидения на субъекты реальной действительности, замещение «субъектов» благодаря восприятию ими картин, нарисованных всего лишь их сознанием и воображением. Тут следует учитывать специфику обрисованного в произведении общества – постсоветского, то есть со всей его неустойчивостью и неопределенностью. Как отмечает в своей статье А. С. Кугаевский, «идея о неготовности (пост)советского человека как к когнитивно-онтологической фрустрации при встрече с непривычными и навязанными демократическими, рыночными ценностями и отношениями, так и к самим этим ценностям и отношениям проходит у Пелевина явной нитью по всему тексту романа, особенно ярко выражаясь на сюжетно-фабульном уровне в виде неустанных душевных метаний героя и поисков им утраченного при переходе из коммунистического былого в демократическое настоящее смысла жизни вообще и своего существования в частности» [1, с. 144-157]. Неуверенность в завтрашнем дне и отсутствие сегодняшнего как такового порождали смятение в сознании людей. Слишком резко изменился привычный для них мир, и то, что так долго отрицали – стали пропагандировать.

Особое внимание в романе Пелевина «Generation П» уделено именно проблеме восприятия этого измененного мира, точнее то, как его воспринимала тогдашняя интеллигенция и люди не старше тридцати пяти, поскольку очевидно, что старшее поколение твердо держалось своих идеалов коммунизма, а младшее – просто не понимало, что происходит. Потому основной удар пришелся именно на среднее, способное воспринимать, не отторгая, и понимающее причины и следствия. Но именно люди этого поколения оказались затеряны. Не среди наплыва информации Запада и множества его атрибутов (импорт товаров), но среди себя самих. Резко изменилась картина привычного для них мира, но не менялись они сами, и это заставляло сомневаться в мире как таковом. Проблема выживания в условиях всеобщей безнадежности и нищеты ставила на второй план вопросы о смысле бытия, заталкивала их на глубинные уровни сознания, но рано или поздно – это всплывало на поверхность. И закрутившийся в рутине добычи пропитания человек, страдающий (пусть и неосознанно) от голода духовного, начинал поиск себя в мире, что упиралось в проблему поиска мира, поскольку принять как очевидное тот факт, что эта действительность единственно возможный вариант – казалось нереальным.

Возможно именно поэтому в исследуемом романе Пелевин так явственно показывает множество реальностей, стирает грани между ними и заменяет реальных субъектов симулякрами. Существующий на то время порядок упаднического настроения народа создал идеальные условия для стремления к бегству. Но поскольку от порядка было не убежать, то оставалось бегство от себя в проецированный мир счастья на экранах телевизоров и рекламных плакатов. Улыбка от съеденной шоколадки на лице актера в голубом экране – автоматически проецировалась в улыбку на лице реального человека. И тут вступает в действие механизм замещения, блестяще описанный В. Пелевиным в данном произведении. Механизм становления симулякра, в данном случае симулякра некоего индивида. В данном контексте симулякр – образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишенное подлинника, объект, за которым не стоит какая-либо реальность. Объект два в данном произведении – это комплекс осознаний себя индивидом через «комбинацию показываемых по телевизору материальных предметов, которые заведомо не являются ни им, ни его составной частью» [2, с. 125].

Идея же того, что весь мир видится человеком постперестроечного периода как нечто эфемерное прослеживается пусть не так явно, но на протяжении всего романа: «...разве Богу сложно за несколько секунд создать из ничего весь этот мир со всей его вечностью и бесконечностью...» [2, с. 309]. Таким образом, можно сделать выводы, что, скорее всего, не случайно Пелевин использовал в своем произведении образ человека именно постсоветского времени. Времени разброда и шатания устоев привычного для человека мира, времени всецелой безнадежности завтрашнего дня, и как готовности к нему, так и неспособности осмысления и принятия такого переворота. Главный герой романа полностью дитя своей эпохи, с ошарашенным взглядом наблюдателя и нервной дрожью участника событий. Он (да и любой человек) полностью потерял в мире разрушенной идеологии. На первый план выступает рынок, правительство и иже с ними. Произведение буквально переполнено иронией и абсурдом. Посредством их автор описывает реалии той действительности, которая предстает объективной.

С помощью эстетики гипертрофирования и доведения до абсурда всего наносного современной жизни, ориентированной на потребление, у читателя отнимается возможность блуждания в догадках, он видит то, что хочет показать автор даже помимо своей воли. Телевидение правит миром, поскольку правит сознанием человека. Реальный же мир просто иллюзия, где все зыбко и ненадежно «по мере вытеснения исходных, истинных, имманентных ценностей, идей, принципов и понятий под воздействием товарных мифов, человек теряет себя, свое истинное „я“ и превращается в ходячий набор ассимилированных симулякров, некий симулякроплекс» [1, с. 144-157].

Пелевин очень четко дал подобную картину в своеобразном «тексте в тексте» романа «Идентификация как высшая стадия дуализма», представленном как спиритический сеанс главного героя с духом Че Гевары. Именно тут идет расшифровка появления симулякров – теория об объектах один и два. И именно здесь человек представлен как клетка орануса («по-русски – ротожопа») [2,

с. 119], а сам он – «примитивный виртуальный организм паразитического типа» [2, с. 121]. Этот организм занят одной функцией – пропусканием через себя денег, и под действием описанного в романе одного из трех вау-импульсов, а именно – вытесняющего, блокируются все психические процессы, не связанные с движением денег, и человек действительно становится подобием простейшего организма с функциями потребления – извержения, единственное что стоит отметить, что потребляет оранус исключительно деньги. И тут возникает дилемма – человек это «существо с безграничными возможностями и природным правом на свободу» [2, с. 121], но он является частью организма, значительно ниже его по развитию.

Пелевин разъяснил это так: «при этом каждая из его клеток потенциально способна осознать, что она вовсе не клетка орануса, а наоборот, оранус – всего лишь один из ничтожных объектов ее ума. Именно для блокирования этой возможности оранусу и требуется вытесняющий импульс». «Generation П» – первый роман Пелевина о власти, где власть, осуществляемая посредством симулякров, оттесняет поиск свободы. Да и, собственно, сама свобода оказывается таким же симулякром, вкачиваемым в мозги потребителя вместе с рекламой кроссовок. Роман рожден горестным открытием того факта, что данная в нем принципиально индивидуальная стратегия свободы легко оборачивается тотальной манипуляцией «ботвой»: симулякры превращаются в реальность массово, в индустриальном порядке. Каждый рекламный клип – это на самом деле облаченный в виртуальную плоть квазиреальности симулякр счастья и свободы: «Свободу начинают символизировать то уют, то прокладка с крылышками, то лимонад. За это нам и платят. Мы впариваем им это с экрана, а они потом впаривают это друг другу, и нам, авторам, это, как радиоактивное заражение, когда уже не важно, кто взорвал бомбу» [2, с. 86].

Одной из основных идей романа является потеря своего «я» в поиске материализованного симулякра. Как уже было сказано ранее, стремясь к шоколадному батончику на экране, человек стремится к счастью, обещаемому этим батончиком. Только одна проблема, счастье это, как и батончик – проецированы и нереальны. Желание же приобрести этот кусочек счастья посредством приобретения его материального подтверждения (батончик) не дает ничего, кроме образования внутри индивида онтологической пустоты, заполненной лишь кричаще-яркими представлениями (опять же не своими, а навязанными извне) и торговыми марками. Человек перестает быть собой, остается лишь его образ, вернее даже не он, а симулякр (не имеющий никакого отношения к оригиналу), поскольку сам индивид исчезает, как только начинается проецирование виртуальной реальности, виртуозно выдаваемой за действительную посредством тех же СМИ. И трагизм ситуации в том, что уйти от подобного расклада невозможно.

Слишком сильна зависимость человека от себя самого – видеть то, что хочется, а не то, что есть на самом деле. Люди живут в так называемом обществе потребления, где невероятно тяжело не допустить воздействие подобного влияния товаров и рынка в целом на свободную волю индивида, его целостность как субъекта объективной реальности. Очень ярко в романе

показана идея овеществленных симулякров таких понятий как честь, совесть, любовь – они заменены товарами, метафорически воплощающими их в себе. Более того, самоидентификация человека возможна только посредством фактора потребления, иначе говоря – человек равен потребляемому им списку товаров. Стираются грани личности, уходит в небытие сама истинная реальность.

Главный герой «Generation П», заблудившийся в лабиринтах рекламных влияний, не в состоянии сам выбраться из мира симулякров. Мира, который сам по себе является одним большим симулякром, и для этого он использует различные психотропные вещества (мухоморы, кокаин), он даже проводит спиритический сеанс, и все это, по его мнению, позволяет расширить не мир, но границы его восприятия. Но при этом главный герой романа видимо сознательно не желает покинуть пусть и навязанный, но такой уютный мир, где не нужна свободная воля и возможность осознания ни к чему, поскольку осознавать нечего – все разложено и расфасовано по полочкам. Татарский пишет опус про оранус, и периодически прерывается на написание рекламных текстов. Пелевин при этом отмечает: «Все-таки профессионал в нем был сильнее романтика, и за это приходилось платить» [2, с. 122]. Платить не деньгами и товарами, а собой, своими душевными порывами, направленными на познание и осознание мира, в конце концов, своим видением этого мира.

Автор романа «Generation П» четко показал в данном произведении проблему воздействия симулякров, что однако же не является решением данной проблемы тотального зомбирования общества путем навязывания ему своеобразных духовных идеалов, представленных в материальной форме вещей рынка сбыта. Роман проникнут настроением авторского пессимизма, кроющегося в том, что в произведении прослеживается идея анти-солипсизма, т. е. автор подчеркивает эфемерность бытия, да и сама идея того, что каждый может быть только гипотетической мыслью Маньки, довлеющая предопределенность, невозможность что-либо изменить, отрицание себя, все это указывает на глубокий пессимизм романа, поскольку даже понимающий всю несправедливость ситуации человек, является членом общества потребления, и следовательно обязан жить по его законам, но тут остается выбор между разделением истинной сущности вещей и их симулякрами.

Выбор – превращаться ли в клетку орануса, либо быть самодостаточной и объективно мыслящей личностью (пусть и пропускающей объективный мир сквозь призму собственного субъективизма, но не приемлющей навязанные реалии). Данное произведение необычайно актуально для нынешнего времени, именно потому, что СМИ, информационные технологии врываются в жизнь каждого, сменяя информационной переполненностью и замещая реальный мир виртуальным, заполненным симулякрами. Нельзя не отметить, что хотя времена постперестроечного периода, с его глобальной неустроенностью и неопределенностью прошли, но влияние проецируемого мира не уменьшилось, скорее наоборот.

Полное замещение «объекта один» на «объект два» порождает духовный кризис общества, по степени опасности не уступающий кризису

постперестроечного периода. Отказ от рационального восприятия мира, чуть ли не радостное приветствие овеществленных симулякров высших духовных ценностей, как, например, свободы, любви, дружбы, приближает пробуждение мифологического пятилапного пса из романа. Этот пес Пиздец в произведении выступает как окончание всего сущего, смерть, более того, имя этого пса, особенно для человека, обладающего русской ментальностью, уже несет очень большую смысловую нагрузку, и данный симулякр таким образом обозначает наступление конца света, апокалипсис.

В заключение можно отметить, что в данном произведении Виктора Пелевина использование такого понятия как симулякр нашло свое полное воплощение. Замещение реальностей, их множество, путаница с объективациями личности индивида, тотальное настроение сомнения во всем создает неповторимую атмосферу романа, делает его с одной стороны – призывом к борьбе с проецированной виртуальной реальностью, а с другой оставляет как саркастический вызов читателю, направленный на осмеяние той радостной готовности принять навязанные реалии, поступаясь своими идеалами и принципами.

Библиографические ссылки

1. Кугаевский А. С. Художественная интерпретация товарного дискурса в романе Пелевина «Generation П»: [Текст] / А. С. Кугаевский // Критика и семиотика. Вып. 9. – Новосибирск, 2006. – 357 с.
2. Пелевин В. «Generation П»: [Текст] / В. Пелевин. – М.: Вагриус, 2004. – 377 с.
3. Словарь слов и понятий постмодернизма: [Электронный ресурс]. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://pm.titla.ru/?k=315om41cg31&b=18>.

Надійшла до редколегії 21.05.2009.

УДК 882.09

М. Н. Ивахненко

Горловка

ПРОЗОПОЭЗИЯ В. АКСЕНОВА

Розглядається питання своєрідного поєднання прозової та віршованої форми у романах видатного російського письменника В. Аксенова.

Ключові слова: прозапоезія, віршована форма, постмодернізм, неоавангардизм.

Рассматривается вопрос своеобразного сочетания прозаической и поэтической формы в романах известного российского писателя-эмигранта В. Аксенова.

Ключевые слова: прозапоэзия, стихотворная форма, постмодернизм, неоавангардизм

The question of prose and verse combination in the novels by V. Aksenov is concerned. Special attention is paid to the author's style of prose.

Key words: prosaic poetry, verse form, postmodernism, neoavanguardia.

Творчество российского писателя-эмигранта В. Аксенова всегда привлекало и привлекает как читателей, так и исследователей литературы. В разное время творчеству писателя уделили внимание Л. Аннинский, А. Ланщиков, А. Макаров, Н. Ефимова, М. Липовецкий, Г. Торунова, П. Майер, П. Далгард, С. Симмонс, С. Кесслер. В последние десятилетия появляются исследования, рассматривающие отдельные аспекты творчества писателя и обнаруживающие